

Ю.С. Салин
РОССИЯ – СТРАНА, СОЗДАННАЯ ПОГРАНИЧНИКАМИ

Звучит музыка Давида Тухманова, у микрофона Вениамин Гилев:

Я люблю тебя, Россия,
Дорогая наша Русь.
Нерастраченная сила,
Неразгаданная грусть.
Ты размахом необъятна,
Нет ни в чём тебе конца.
Ты веками непонятна
Чужеземным мудрецам.
Ты добром своим и лаской,
Ты душой своей сильна.
Неразгаданная сказка,
Синеокая страна.
Я б в берёзовые ситцы
Нарядил бы белый свет.
Я привык тобой гордиться,
Без тебя мне счастья нет!
Много раз тебя пытали,
Быть России иль не быть,
Много раз в тебе пытались
Душу русскую убить,
Но нельзя тебя, я знаю,
Ни сломить, ни запугать.
Ты мне – Родина родная,
Вольной волей дорога (М. Ножкин).

Граница породила казачество, казаки создали Россию, – Лев Толстой.

Если кликнет рать святая, –
Брось ты Русь, живи в раю,
Я скажу, – не надо рая,
Дайте Родину мою (С. Есенин).

Россия совершенно непохожа ни на одну другую страну. Конечно, каждая страна уникальна и неповторима, но Россия отличается от всех других гораздо больше, чем любая из них отличается от остальных.

И от рая Россия гораздо дальше, чем все прочие страны. И выдержать такие адские условия, как у нас, могли только русские. Мы с вами.

Россия – страна, которая колонизуется, говорил наш гениальный историк В.О. Ключевский. Как газ, который расширяется, пока не встретит сопротивление стенок сосуда, так и наша держава шла от изначального, почти нулевого пространства, до своих естественных границ – до Тихого, Ледовитого океана, Амура, Памира и Кавказа. Любая точка России когда-то была границей. И это тоже уникальная характеристика.

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль ...
Летит, летит степная кобылица

И мнет ковыль ...

И нет конца! Мелькают версты, кручи ...

Останови!

Идут, идут испуганные тучи,

Закат в крови! (А. Блок).

Для нас за все тысячелетие русской государственности закаты в крови были самым привычным зрелищем.

Россия – это страна, которая вела наибольшее количество войн во всей истории человечества. И какие бы незваные гости к нам ни приходили, мы считали себя обязанными хотя бы по долгу вежливости нанести ответный визит. Побывали мы и в Берлине (дважды), и в Париже, а наше многовековое противостояние с монголами закончилось в самом сердце монгольских степей.

Никого в мире не закаляли так упорно и не принуждали так жестоко к войнам, как нас. Для цивилизованного Запада наши земли были зоной свободной охоты на туземцев. Высшие иерархи католической церкви не признавали христианами православных. Под лозунгами *Drang nach Osten*, натиск на восток, они организовывали крестовые походы на славян, основывали у наших границ военизированные монашеские ордена – Христовых рыцарей меча, Ливонский, Тевтонский. С той же стороны угрожали нам Польша и Швеция...

И с юга ничто не защищало русского мужика от Великой степи, по которой от года к году, от века к веку катились волна за волной, неизменным приливом накатывая и на Россию, воинственные кочевники – готы, гунны, авары, хазары, печенеги, половцы, монголы...

Мы платили чудовищную цену в борьбе за свою жизнь.

Плано Карпини (1246) про Киев: «Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов».

Не было исключением и Курск с его трехсотпятидесятилетним запустением. И над всей страной в течение почти тысячи лет устанавливался постоянный и вызванный беспощадной неизбежностью режим военного положения (И.Л. Солоневич).

За 537 лет со времени Куликовской битвы до конца первой мировой войны наша страна провела в битвах 334 года, причем одну войну она вела с девятью врагами сразу, две – с пятью, двадцать пять раз пришлось воевать против трех и тридцать семь – против двух противников, и все эти войны были оборонительными или представляли собой упреждающий контрудар (Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский).

За сто лет от Ивана III до Ивана IV Россия вынуждена была пятьдесят лет вести войны на западе, и всё столетие на юге и востоке.

Ежегодно в наши земли вторгалась орда, истребляла поголовно всех, кто не годился на продажу, а молодых женщин, юношей и детей уводила в полон. Степняки еще с весны подкочевывали со своими табунами, чадами и домочадцами к окраинам русской земли и отсюда, с ближних подступов, шли в стремительный набег уже без припасов и обозов, с одним только оружием

и длинной веревкой, притороченной к седлу, – чтобы было чем связывать вереницу пленников, которых гнали, волочили впоследствии за конем.

Мой знакомый, крымский татарин Эрик Кудусов, с которым я работал когда-то в Институте вулканологии, называет русских потомственными рабами. Что ж, когда-то крымские татары имели основание для таких умозаключений.

Земли между Крымом и Московией в XVI веке назывались *польскими*, но это были не земли Польши, это было безлюдное *Дикое поле*.

Немецкий путешественник П.Э. Кемптен пишет: «Мы... решились основаться на реке Донец.... Мы начали пахать землю. Колосья росли вышиною в рост человека, а репа была величиной с детскую голову. Светло и радостно было для нас грядущее». Но свет померк и радость рухнула, когда нагрянули кочевники: «С криком они бросились на нас..., согнали женщин и детей в долину, связали нас, и не прошло 15 минут, как нас увезли. Что сделалось с моим отцом, с моей матерью, родственниками, знакомыми, мне не известно, потому что с тех пор я их больше никогда не видел». Через день автор этих записей был продан на невольничьем рынке в Азове, сообщает Е. Анисимов.

Татары «рассыпаются по деревням, окружают селения со всех четырех сторон и, чтобы не ускользнули жители, раскладывают по ночам большие огни; потом грабят, жгут, режут сопротивляющихся, уводят не только мужчин, женщин с грудными младенцами, но и быков, коров, лошадей, овец, коз» (Г. Боплан).

Захваченным набрасывали на шею петлю и, подхлестывая нагайками, безостановочно гнали по степи. Тем, кто не мог бежать за конем, перерезали горло.

«Сорокалетние сохранялись для галер, молодые мальчики – для их наслаждений, девушки и женщины – для продолжения их рода и продажи затем. Раздел пленных между ними производился поровну. К их чести я могу сказать, что они не были скупы в своей добыче, и их крайняя вежливость предлагала ее в пользование всем, кто к ним заходил» (А. де Грамон). Старики и немощные, за которых нельзя было выручить больших денег, отдавались молодёжи, как зайцы щенкам, чтобы было на ком отрабатывать боевые приемы.

В Крыму ясырь выставляли на продажу. Покупатели тщательно осматривали невольников, начиная с внешнего вида и кончая сокровенными частями тела: требовалось, чтобы зубы не были редки и черны, чтобы на теле не было бородавок, шишек и других недостатков.

«Более сильных невольников делали кастратами, иным резали ноздри и уши, днём мучили на работе скованными, а ночью держали в темнице». Тем, кто стоял с гордо поднятой головой, выжигали на лбу клеймо – убежит (М. Литвин). На одно судно нередко грузили такое множество пленных, что от тесноты они не могли ни двигаться, ни прилечь на пол. Стоя принимали пищу и стоя спали. Невольники умирали массаами, и их сбрасывали в море.

Мужчины попадали на турецкие галеры, где до полного истощения служили гребцами, прикованными к скамьям. Некоторым в конце концов

удавалось вырваться на свободу, как Ермаку Тимофеевичу и вождю казачьего восстания Ивану Болотникову.

Красивых женщин поставляли в гаремы, а некрасивые становились домашней прислугой. Венецианский монах Джованни Карраро писал, что потребность в наёмной прислуге в Константинополе отпала, так как он оказался переполнен русскими рабынями.

Самой знаменитой из пленниц стала Хюррем Султан, русское имя Настуся из деревни Рогатино. Турецкое Хюррем означало Веселая.

Она сыграла огромную роль в истории. Хюррем Султан прославилась своим интеллектом, мужеством, честолюбием и гордостью.

Сулейман Великолепный долгими месяцами пропадал в походах, и о событиях в столице узнавал только от нее. Письма Сулеймана выражали большую любовь и тоску по Хюррем, которая была его главным политическим советником. Образованнейшая женщина своего времени, она принимала послов, отвечала на письма иностранных правителей, покровительствовала влиятельным вельможам и художникам.

После смерти для нее построили куполообразный мавзолей рядом с мавзолеем Сулеймана. В ее честь назван город Хорремабад, который существует и ныне, в нем проживает 330 тыс. человек.

...Россия сопротивлялась набегам. Как могла.

В 1380-м году Дмитрий Донской на поле Куликовом разгромил орду Мамай. Но уже в 1382-м хан Тохтамыш нагрянул на Россию и сжег Москву дотла, лишь печные трубы возвышались над пепелищем.

В 1480 году Русь перестала платить обязательную дань хану. Но изменилось не многое.

1500. Крымцы взяли штурмом Львов и другие города, захватив в плен пятьдесят тысяч человек.

1515. В плен было уведено 100 тысяч человек.

1521. Мухаммед-Гирей «увел с собой из Московии такое огромное множество пленников, что оно покажется вряд ли вероятным. Ибо говорят, что число их превосходило 800 000; отчасти он продал их туркам в Кафе, отчасти перебил» (С. Герберштейн).

1571. Одно из самых страшных нашествий. Девлет-Гирей, воспользовавшись бедами Руси – засуха, мор, война в Ливонии – снова превратил Москву в пепелище, уцелел только каменный Кремль. Более 150 тысяч человек уведены в рабство.

1606 – 1608. Русская Смута. Степняки жгли города и села, уничтожая и забирая в плен местных жителей. Рязанцы жаловались в столицу, что их земли совершенно обезлюдели, пашни остались незасеянными, а все люди «сидят в осаде».

Еврей-меняла в Кафе (Феодосия), наблюдая масштабы работорговли, удивлялся: «Да остался ли хоть кто-то в этой земле, или она совсем опустела?»

1717. Кубанский погром. Сераскир Бахти-Гирей взял в плен около тридцати тысяч человек.

Последний татарский набег состоялся в 1769 году, при Екатерине II.

Звучит музыка О. Сорокина, вступает с песней В.И. Гилев:

Небо синее до самой до окраины,
Где зима, весна и осень – лета нет.
Если льётся кровь, то наши дети крайние,
Так уж водится в России много лет.
Белым саваном лежат снега бескрайние,
В доме радость, не увидишь и во сне.
Брат живой вернулся, не беда, что раненый,
Если даст Господь, поправится к весне.
Братан поправится, с бедою справится,
Нам, Ванькам-встанькам, горе не беда.
Бог даст, и к нам потом вернётся счастье в дом
И не покинет больше никогда.

Стерпим в жизни всё мы, Ваньки-встаньки русские,
На свою судьбу пенять великий грех.
Там, где счастье, там всегда ворота узкие,
Не хватает счастья, видимо, на всех.
Небо синее лежит под белым саваном.
В основаньи триколора наша кровь.
Брат живой домой пришёл, и это главное,
А поставит его на ноги любовь.
Братан поправится, с бедою справится,
Нам, Ванькам-встанькам, горе не беда.
Бог даст, и к нам потом вернётся счастье в дом
И не покинет больше никогда (В. Сауткин).

Наши соотечественники не оставались покорными жертвами. Но что можно было противопоставить неудержимой коннице?

Мы ведь не степняки, не таежники. Мы, русские, с нашими русалками – дети речного русла. И мы брали реванш у татар на реках, устраивая в зарослях камыша засады под водой, с тростинкой во рту. Когда ордынское кочевье, обремененное богатой добычей и полоном, перехватывали на бродах летучие казачьи станицы, то грабителей настигало беспощадное возмездие. Орду вырезали тоже до последнего человека. А освобожденным пленникам предоставлялась возможность пополнить лихую ватагу, – *руку правую потешить, сарацина в поле спешить иль башку с широких плеч у татарина отсечь*. Так широким неиссякающим потоком пополнялось вольное русское воинство.

Это были профессионалы более высокого класса, чем татары. Они не были связаны семьями, не пахали землю, не выращивали хлеб и не пасли скот, не было в их куренях ни женщин, ни детей. Их единственным занятием была война. И нападений они не ждали, они нападали сами, – брали Азов и Кафу, разоряли улусы, доходили до Персии и Анатолии. Да у них, собственно, и не было выбора, ведь надо же было как-то кормиться, обуваться-одеваться. Пошли за зипунами, говорили казаки, отправляясь в отчаянный набег. В общем, орда сама вырастила себе непобедимого врага, своего будущего могильщика.

Отпетым головорезам терять было нечего. По христианскому обряду в церкви отпевали покойников. Отпетый – значит не живой. Да так оно и было. Жизнь для них кончалась, когда татарская петля захлестывалась на горле. Но вот судьба подарила шальные дни, недели, месяцы, – кто знает? Да и стоит ли их считать, это какое-то запредельное состояние, существование после смерти. Один лишь всесожигающий дух мщения, смерч возмездия, ни перед чем не останавливающийся.

И местоположения им выбирать не пришлось. Только просторы Дикого поля. Они с комфортом размещались прямо в пасти дьявола. На Дону, где крестьянину выжить было невозможно. За днепровскими порогами, по соседству с крымским Перекопом. С устья Волги проникли через Каспий на Урал и здесь укоренились, а татарскую столицу, некогда страшную для всей Руси, город Сарайчик, – «воевали его и сожгли». Безопасность России была сильно укреплена образованием на рубежах страны цепи постов, задержавших «воровские перелазы» кочевников.

Казачество получало от Москвы хлеб, порох, свинец и сукна, несло государеву службу по наряду кремлевского приказа, но сохраняло поначалу внутреннее самоуправление, как было заведено издревле. Всяк был *сам большой*, и все были равны, потому что всем одинаково грозила смертельная опасность и от голода, и от набегов орды. И каждому доставалась равная с другими часть во всяком дележе и от всякого прибытка. И земля была добычей, взятой с бою, она и принадлежала всем на одинаковых паях.

Казачество были первыми русскими пограничниками на далеко выдвинутых рубежах, и всеми силами отодвигали эти рубежи как можно дальше от сердца нашей Родины: Кубань, Терек, Семиречье, Забайкалье, Амур.

Казачество – сословие пограничников. Военно-земледельческое население на рубежах Родины. Такого общественного слоя, порожденного самой нашей историей, нет больше ни в какой другой стране. Статус казака был потомственным, он рождался военнообязанным, и должен был по первому сигналу становиться в строй с оружием и на коне.

В 1637 году донские казаки взяли Азов и удерживали его в течение пяти лет. Турецкие войска приступили к осаде по всем правилам военного искусства, но несли при этом огромные потери. Гусейн-паша предложил султану отвести армию и возобновить осаду следующей весной. Ответ из Стамбула был коротким: «Паша, возьми Азов или отдай голову».

Несмотря на усиленную ханскую стражу, по Дону в Азов пробиралась подмога. Казаки плыли под водой на спине с камышом во рту, держа оружие и одежду в кожаных мешках. Хану пришлось перегородить Дон сплошным частоколом.

В 1667 году предводителем казаков стал Степан Разин, и его войско наводило ужас на весь Прикаспий.

А про ответ запорожцев турецкому султану слышали?

Султан Мухаммед IV потребовал от казачества сдаться и прекратить свои набеги. И это было чрезвычайно мягкое требование. Обычно христиане получали послания совсем иной тональности. Императору Священной Римской империи тот же султан писал: «Объявляю тебе, что стану твоим

господином. Мне будет угодно установить мою религию и преследовать твоего распятого бога. В соответствии со своей волей и удовольствием я запашу твоих священников и обнажу груди твоих женщин для пастей собак и других зверей».

И вот как ответили запорожцы властелину половины мира. Цитирую в переводе с русского на литературный: «Ты, султан, чёрт турецкий, и проклятого чёрта брат и товарищ, самого Люцифера секретарь. Какой ты к чёрту рыцарь, когда голой (задницей) ежа не убьёшь. Чёрт (справит большую нужду), а твое войско пожирает. Не будешь ты, сукин ты сын, сынов христианских под собой иметь, твоего войска мы не боимся, землёй и водой будем биться с тобой, (так) твою мать... Свиная ты морда, кобылиная (задница), мясницкая собака, некрещённый лоб, мать твою (далее неразборчиво)...

Не будешь ты даже свиней у христиан пасти. Этим кончаем, поскольку числа не знаем и календаря не имеем, месяц в небе, год в книге, а день такой у нас, какой и у вас, за это поцелуй в (задницу) нас.

Подписали: кошевой атаман Иван Сирко со всем лагерем Запорожским».

1667 – Иван Сирко осадил и взял штурмом Перекоп, вторгся вглубь Крымского ханства. Казаки взяли Кафу, вырезали жителей, освободили из рабства две тысячи человек и с триумфом вернулись в Сечь.

Осенью 1674 года турецкий султан решил истребить всех запорожских казаков. Пятнадцатитысячный корпус янычар и сорокатысячная орда во главе с ханом Селим-Гиреем незаметно подошли к Сечи. Но запорожцы отразили вражеское нападение и наголову разбили врага.

...Не только казачество оказывало сопротивление татарским набегам. На высоте была и государственная политика царей московских и императоров всероссийских.

После полного разгрома русских войск в 1571 году Девлет-Гирей потребовал от Ивана Грозного отдать ему Казань и Астрахань. Царь готов был согласиться с утратой Астрахани, но Девлет-Гирею этого показалось мало. Он считал, что может покорить всю Русь.

В 1572 года крымский владыка выступил в новый поход. Он заранее разделил русские города и уезды между своими мурзами. Под началом хана было 120 тысяч воинов, среди них 7 тыс. янычар.

Янычары были турецким спецназом, какое нынче и представить невозможно. Завоеванные христианские страны платили *налог кровью*, – каждые пять семей отдавали султану одного мальчика. Сначала мусульманские приемные родители обучали их языку, культуре, религии, потом в военных училищах из них делали непобедимых бесстрашных воинов, – павший на поле битвы попадает прямо в рай!

Янычары были тяжеловооруженной пехотой. Кроме того, Девлет-Гирей собирался на этот раз не грабить, а покорять, и ему понадобилась осадная техника, артиллерия, пищали и мортиры. Татары утратили превосходство кочевников над оседлыми народами в маневренности. Чем и воспользовался князь-воевода из рода Рюриковичей Михайло Иванович Воротынский, командующий пограничной стражей.

На переправе татарского войска через Оку русские войска ударили в арьергард едва успевшим выбраться на левый берег колоннам. Хану пришлось развернуть свои построения и обрушить на противника всю силу. Московские ратники не выдержали удара и обратились в бегство. И бросились они к деревне Молоди, что в 50 километрах от Москвы, где на бугре с прекрасным круговым обзором был поставлен *гуляй-город*.

На нескольких сотнях телег были завезены фрагменты готовой крепостной стены из бревен вполдуба. Перед стеной был выкопан глубокий ров, на который при необходимости опускался подъемный мост. Русские воины сразу же оказались внутри крепости, а татары вынуждены были преодолевать ров и затем штурмовать стены. Конница здесь оказалась бессильной, и спешившиеся всадники попали под уничтожающий огонь из бойниц гуляй-города.

Но и это было не все. С флангов на них обрушились засадные полки, а главнокомандующий под заградительным огнем вывел большую часть войск из крепости, вышел в тыл и начал громить потерявшего и строй, и управление паникующего врага.

Из огромной армии, перешедшей Оку, в Крым вернулось не больше 20 тысяч человек.

...С самого первого дня своего государственного существования Русь стала строить сеть защитных сооружений от нападений из степи. Сооружение защитной линии против вражеских нашествий не принадлежит, конечно, к особенно оригинальным изобретениям. Самой знаменитой среди них является Великая китайская стена; она не помогла, – монголы завладели Китаем. Самой последней – французская линия Мажино, она тоже не помогла. Отличие московских линий заключается в том, что они свою роль выполнили до конца, и не только оградили Москву от нашествий с востока, но и позволили России перенести ее опорные пункты с берегов Оки на берега Тихого океана, или, говоря грубо, с расстояния восьмидесяти верст от Москвы на расстояние восьми тысяч.

Первая линия шла по Оке, от Мурома на Волоколамск. Это была цепь крепостей, перед которыми устраивались засеки, – валы из срубленных деревьев, непроходимые для конницы. Пока степняки теряли время на разборку этих завалов, фактор внезапности терялся, и обороняющиеся успевали подтянуть подкрепления. От засек протягивались вооруженные щупальца разъездов, дозоров, засад и застав. С течением времени заставы превращались во вторую линию укрепленных пунктов – Венев, Рязань, Тула, Козельск. Эта вторая линия, опираясь на блестящую организацию тыла, протянула на юг и на восток новые засеки и заставы, и из них выросла третья линия: Алатырь, Орел, Новгород-Северский, Путивль. Продвигая все дальше и дальше свою стратегическую оборону, Москва при царе Федоре закрепляет четвертую линию: Воронеж, Оскол, Курск (И.Л. Солоневич).

И закончилось это продвижение только на Тихом океане.

Почему Российская империя, далее СССР и РФ – самая большая в мире страна? Потому что враги захотели сделать ее самой маленькой, свести к нулю, и чтобы выжить как народ, как страна, нам пришлось расширять территорию, отодвигая рубежи на безопасное расстояние. После освобождения от татарского ига Московская Русь была не намного больше

нынешней Московской области. За 400 лет она увеличилась в 400 раз, от 50 тысяч км² до 20 млн. км².

Не только строительством оборонительных линий ограничивалось наше сопротивление. Лучшая защита – это нападение.

В мае 1687 года русская армия князя Василия Голицына, примерно в 100 тысяч солдат, вместе с донскими и запорожскими казаками двинулась в сторону Крыма. Татары подожгли степь, оставив лошадей без пропитания. Войско возвратилось назад.

Уже под руководством Петра I был построен флот, и войско в его сопровождении захватило Азов.

В 1711 году был предпринят позорный Прутский поход, и Петр, окруженный турками, был вынужден отдать Азов.

И вот весной 1736 года фельдмаршал Б.К. Миних подошел к Перекопу и взял его. Началась *эпоха покоренья Крыма*. Но сколько ни завоевывай Крым, все равно с тыла, с моря, из Турции он получал подкрепления, и снова и снова усиливался.

История цивилизации вышла на новый виток. Маневренность в войнах обеспечивала уже не конница, а флот. Миром стали править не те, у кого были массы кавалерии, а те, у кого флот. Британская империя завоевала половину земного шара. Почему? Это была самая морская страна мира. Национальная идея была отражена в государственном гимне, – Британия, правь морями! И первый игрушечный ботик Петра I, его стремление пробиться к морям сделали в конце концов Россию великой морской державой. Крым на новом геополитическом этапе развития оказался обреченным. Его паразитическое хозяйство и государственное устройство не оставляли ему уже никаких надежд в империалистическую эпоху.

В 1770 году в Средиземное море вышла эскадра Балтийского флота России под командованием графа Алексея Орлова. Она нанесла поражение турецкому флоту в сражениях у Чесмы и Хиоса. В 1771 году русская армия князя Василия Долгорукого заняла Крымский полуостров. А после побед Суворова татарско-турецкая опасность отошла на второй план.

По Аристотелю, война это охота на тех, кто предназначен тебе в услужение, в рабство. И лучшими охотниками на заре мировой истории были степняки. Они имели самую высокую маневренность своих войск, они постоянно упражнялись в джигитовке, во владении луком, копьем и саблей. Они и сформировали мировые, трансконтинентальные империи – Чингисхан, Тимур, арабы. Далее знамя переняли морские державы. Вслед за ними контроль над планетой взяли в свои руки те, кто имел финансовые инструменты завоевания, и далее – интернет, самое смертоносное оружие.

...Вечные войны, вечные потери, бесконечные лишения закалили характер, сформировали тот самый наш национальный характер, который не позволяет нам нынче войти во «все цивилизованное человечество». Бережливость, систематичность, пунктуальность не могли пустить глубоких корней в нашем жизненном укладе. Зачем копить, беречь на века, зачем привязываться к бранным материальным благам, если все равно следующей весной, лишь только зазеленеет трава, придет татарин и все дотла разграбит? Даже правительство не разрешало мужику заводить житницы,

хлеб надо было прятать в ямы. При первом известии о приближении врага каждый хозяин обязан был своими руками сжечь дом и все постройки, чтобы оставить нападающим выжженную землю. После этого все население окрестных деревень должно было идти в ближайший город сидеть в осаде. «Нередко плоды долголетних трудов уничтожались в один день» (Н.И. Костомаров).

Понятно, что русский с детства, от века был равнодушен к удобствам, привык переносить голод и холод, тесноту и духоту, приводя в изумление чужеземцев своим сверхчеловеческим терпением. Молодой человек, даже богатый, никогда не спал в постели, для этого существовали пол или лавка, простой же народ вообще не знал, что такое постель. Если были армии, которые лучше русских брали крепости, то в перенесении тягот осады у нашего солдата не было равных.

Русский народ много столетий жил на грани уничтожения. Коллективизм, взаимопомощь, чувство локтя не могли не закрепиться в наших народных устоях, иначе бы мы не выжили.

На тихоокеанское побережье нас привело все то же национальное стремление отодвинуть рубежи как можно дальше от сердца нашей Родины – Москвы.

Почему Дальний Восток был открыт спустя полтора века после открытия Америки?

Англия и Франция уже всю вели войны в Китае за свое право свободной торговли наркотиками, а материковый юг нынешнего нашего Дальнего Востока оставался незанятым, необжитым, даже неразграниченным.

Полюсом недоступности для белой цивилизации был он в те времена. Если плыть по морю, то от Европы он оказывался дальше всего, даже дальше Антарктиды, ведь на восточном пути надо было огибать с юга всю Африку и всю Азию. А если идти на запад, то только вокруг Южной Америки, потому что мимо Гренландии, Канады и Аляски даже в нынешние ледокольные времена никто не плавает. К тому же по единственной реке, ведущей вглубь континента в широтном направлении, по Амуру, не было известно судового хода. И по суше тоже было очень неблизко, да еще добираться приходилось не по степи, по которой доехать было бы легко, да не давали кочевники. Оставалось только продираться сквозь тайгу. А что это такое, мало кто может себе представить.

Инстинкт самосохранения русского народа лежал в основе нашего державообразующего процесса. В контрнаступление против степняков мы шли двумя колоннами. Фронтальное направление взяло на себя казачество, и действовало оно на самом юге русско-монгольского театра военных действий.

Инициативные мужицко-стрелецкие ватаги гигантским фланговым охватом обошли врага с севера и зашли ему в тыл, уже с востока, с Охотского моря. Они взяли верх своей способностью продвигаться безо всяких путей сообщения; таежное бездорожье усугублялось еще и непроходимыми болотами, великими реками и горными хребтами, пересекающими линию контрнаступления.

Наши первопоселенцы составляли в своей преобладающей части военно-земледельческое сословие. Казаки охраняли границу, отправляли почтовую повинность и другие государственные обязанности и не имели возможности с «упорством крестьян» заниматься сельским хозяйством; по этой причине значительная их часть в первые годы заселения едва сводила концы с концами.

Присоединение Приамурья упрочило военно-стратегическую и хозяйственно-экономическую ситуацию на Дальнем Востоке. Амур был единственным водным путем, ведущим из глубины континента к Тихому океану. Лишь его включение в состав империи скрепило воедино все наши земли и моря к востоку от Байкала, открытые для цивилизованного мира нашими земляками и освоенные ими.

Кто будет владеть устьем Амура, тот будет владеть и Сибирью, по крайней мере до Байкала, – из такого принципа исходил Н.Н. Муравьев, боевой генерал, прославившийся своими подвигами на Кавказской пограничной линии и командированный для обустройства восточных рубежей.

Так мы дошли до своих естественных границ. А Порт-Артур и КВЖД, как и Русская Америка, лежали далеко за пределами. Эти территории было все равно невозможно защитить, потому они и перешли во владение других держав, были проданы или отвоеваны.

Китай не препятствовал присоединению Приамурья к России. Если бы дальневосточные земли не были заняты русскими людьми, то они стали бы английскими, французскими или американскими колониями, что для Китая было несравненно опаснее. Англичане, французы и американцы бесцеремонно вмешивались во внутренние дела Поднебесной империи, вводили и использовали против китайцев свои войска, ввозили в гигантских количествах опиум, а взамен вывозили китайские товары и серебро, обескровливая экономику Китая; вывоз китайских кули в Америку приобрел характер и масштабы работорговли.

В 1775 году Британская Ост-Индская компания сбывала в Китае 1,4 тонны опиума. К 1830 году объём продаж опиума составил 1500 тонн, а к 1838 году – 2000 тонн. Наркотизация привела к деградации и массовому вымиранию населения Китая. Если в 1842 году китайцев было 416 млн. человек, то к 1881 году осталось 369 млн., из них 120 млн. наркоманов.

«Пока Китай остаётся нацией наркоманов, нам не стоит бояться того, что эта страна превратится в серьёзную военную державу, так как эта привычка высасывает жизненную силу из китайцев», – говорил британский консул в Китае Джефф Херст.

Россия сыграла роль северного пограничника для Китая. С юга и востока он был блокирован империалистическими державами, Запад был непреодолимым горным препятствием, и если бы европейская цивилизация охватила его и с севера, то самая многочисленная нация мира была бы полностью уничтожена.

Звучит музыка О. Иванова, у микрофона В. Гилев:

Я песней как ветром наполню страну
О том, как товарищ пошел на войну.
Не северный ветер ударил в прибой.
В сухой подорожник, в траву зверобой.
    Прошел он и плакал другой стороной,
Когда мой товарищ прощался со мной.
Но песня взлетела и голос окреп.
Мы старую дружбу ломаем как хлеб.
    Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам
Мы хлеба горбушку — и ту пополам.
Коль ветер лавиной и песня лавиной,
Тебе половина и мне половина.
    Луна словно репа, а звезды фасоль,
Спасибо мамаша за хлеб и за соль.
Еще тебе мамка скажу я верней,
Хорошее дело взрастить сыновей.
    Которые кучей сидят за столом,
Которые могут идти на пролом.
И вот скоро сокол твой будет в пути,
Ты крепче горбушку ему посоли (Александр Прокофьев).